

КЛАССИФИКАЦИЯ НЕОСОЗНАВАЕМЫХ ЯВЛЕНИЙ И КАТЕГОРИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А. Г. АСМОЛОВ

Факультет психологии МГУ

Может ли анализ сферы бессознательного на основе такой важной категории советской психологии, как категория деятельности, углубить наши представления о природе неосознаваемых явлений? И есть ли вообще необходимость в привлечении к анализу сферы бессознательного этой категории?

Чтобы ответить на этот вопрос, попробуем провести мысленный эксперимент и взглянем глазами участников первого симпозиума по проблеме бессознательного на недавно прошедший симпозиум по этой же проблеме в Тбилиси. По-видимому, Г. Мюнстерберг, Т. Рибо, П. Жане, Б. Харт не почувствовали бы себя на этом симпозиуме чужими. Г. Мюнстерберг, как и в Бостоне (1910), разделит бы всех участников на три группы — широкую публику, врачей и психофизиологов. Представители первой группы говорят о космическом бессознательном и о сверхчувственных способах общения сознаний. Врачи обсуждают проблему роли бессознательного в патологии личности, прибегая к различным вариантам представлений о диссоциации, расщеплении «я». Физиологи же со всей отчетливостью заявляют, что бессознательное есть не что иное как продукт деятельности мозга. Лишь положения двух теорий оказались бы совершенно неожиданными для Г. Мюнстерберга. Это — теория установки Д. Н. Узнадзе и теория деятельности Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева и А. Р. Лурия. Принципиальная новизна состоит прежде всего в исходном положении этих концепций: для того чтобы изучить мир психических явлений, нужно выйти за их пределы и найти такую единицу анализа психического, которая сама бы к сфере психического не принадлежала.

Если это требование не соблюдается, то мы возвращаемся к ситуации бостонского симпозиума. Дело в том, что пытаться понять природу неосознаваемых явлений либо только из них самих, либо исходя из анализа физиологических механизмов или субъективных явлений сознания — это все равно, что пытаться понять природу стоимости из анализа самих денежных знаков [1]. В натуре индивида можно, разумеется, обнаружить те или иные динамические силы, импульсы, побуждающие поведение. Однако, как показывает весь опыт развития общепсихологической теории деятельности, лишь анализ системы деятельностей индивида, реализующих его жизнь в обществе, может привести к раскрытию содержательной характеристики многоуровневых психических явлений. С предельной четкостью эта мысль выражена А. Н. Леонтьевым. Он пишет: «Включенность живых организмов, системы процессов их органов, их мозга в предметный, предметно-дискретный мир приводит к тому, что система этих процессов наделяется содержанием, отличным от их собственного содержания, содержанием, принадлежащим самому предметному миру.

46

Проблема такого «наделения» и порождает предмет психологической науки!» [22; 13],

При анализе сферы бессознательного в контексте общепсихологической теории деятельности открывается возможность ввести содержательную характеристику качественно отличных классов неосознаваемых явлений, раскрыть функцию этих явлений в регуляции деятельности и проследить их генезис.

Для того чтобы выделить основания классификации неосознаваемых явлений, остановимся на двух принципах теории деятельности — *принципе предметности и принципе зависимости психического отражения от места отражаемого объекта в структуре деятельности.*

Принцип предметности составляет, по точному выражению В. Давыдова [14], ядро теории деятельности. Именно этот принцип и тесно связанный с ним феномен предметности позволяют со всей отчетливостью провести линию водораздела между так называемым деятельностным подходом и различными поведенческими подходами, основывающимися на схеме «стимул — реакция» или ее многочисленных модификациях. Суть принципа предметности состоит в том, что «регулируемая образом деятельность субъекта сама переходит в «покоящееся свойство» ее объективного продукта. В этом опредмечивании она превращается в идеальную сверхчувственную сторону производимых ею вещей» [14: 31].

В экспериментальной психологии, прежде всего в исследованиях К. Левина и К. Дункера, был получен целый ряд фактов, наглядно иллюстрирующих существование того, что мы называем здесь феноменом предметности. Имеются в виду описанные К. Левиным и К. Дункером явления «характера требования» и «функциональной фиксированности» объектов. «Характер требования», как и «функциональная фиксированность» относятся к такого рода свойствам объекта, которыми объект наделяется, только попадая в целостную систему, в то или иное феноменальное поле.

С аналогичными фактами столкнулась при изучении практического интеллекта группа психологов, работавшая под руководством А. Н. Леонтьева в Харькове в начале 30-х гг. (Л. И. Божович, П. Я. Гальперин, А. В. Запорожец, П. И. Зинченко и др.). В этих исследованиях, среди которых в интересующем нас аспекте выделяется работа П. Я. Гальперина «Психологическое исследование орудий человека и вспомогательных средств у животных и его значение» (1935), было убедительно показано, что, только распредметив фиксированное в общественном предмете, в орудии значение, ребенок переходит от логики «ручных операций» к логике «орудийных операций».

А. Н. Леонтьев и его сотрудники, экспериментально исследуя значения, фиксированные в орудиях, имели дело с той же реальностью, что К. Левин и К. Дункер. Но в отличие от них они сумели раскрыть действительное происхождение этой реальности, этих «системных качеств» объекта [20], усмотреть за ней «осевшую» на предметах, человеческого мира деятельность. И это открытие, приведшее впоследствии к выделению предметности как конституирующей характеристики деятельности, имеет первостепенное значение для понимания одного из классов неосознаваемых явлений — класса наиндивидуальных:ьных надсознательных явлений.

Что же касается принципа зависимости психического отражения от места отражаемого объекта в структуре деятельности, то для раскрытия его содержания необходимо указать единицы, образующие структуру деятельности. Деятельность субъекта имеет уровневую иерархическую структуру. В этой структуре вычленяются такие единицы, как особенная деятельность, побуждаемая мотивом (предметом потребности), действие, направляемое осознаваемой предвидимой целью, операция (способ

осуществления действия), соотносимая с условиями наличной ситуации, и психофизиологические механизмы — реализаторы действий и операций (А. Н. Леонтьев).

В регуляции деятельности функция и характер отражения того или иного объекта зависят от того, какое место в структуре деятельности он занимает. Так, например, было показано, что характер запоминания зависит от того, с какими компонентами деятельности (мотивами, целями или условиями осуществления деятельности) связан запоминаемый объект [16; 28]. Если мы, ориентируясь на психологическое строение деятельности, попытаемся классифицировать различные неосознаваемые явления, то они распадутся на два класса — класс неосознаваемых мотивов и смысловых установок, побуждающих и стабилизирующих деятельность в целом (см. [3]), и класс неосознаваемых форм отражения,

выступающих в виде целевых и операциональных установок, регулирующих протекание таких низкоуровневых единиц деятельности, как операции.

Таким образом, на основе принципов предметности и зависимости отражения от места отражаемого объекта в структуре деятельности представляется возможным вычленив три различных класса неосознаваемых явлений: класс надындивидуальных надсознательных явлений; класс неосознаваемых побудителей деятельности (неосознаваемых мотивов и смысловых установок); класс неосознаваемых регуляторов действий и операций.

Далее мы попытаемся выделить те направления, в которых шло исследование этих классов неосознаваемых явлений, и дать краткое описание основных особенностей каждого класса.

1. НАДЫНДИВИДУАЛЬНЫЕ НАД СОЗНАТЕЛЬНЫЕ ЯВЛЕНИЯ¹

Начнем с описания надындивидуальных надсознательных явлений, поскольку, во-первых, эти явления всегда были покрыты туманом таинственности и служили почвой для самых причудливых мифологических построений; во-вторых, именно на примере этих явлений наиболее рельефно открывается социальный генезис сферы бессознательного в целом.

С нашей точки зрения реальный факт существования класса надсознательных надындивидуальных явлений предстает в разных ипостасях во всех направлениях, затрагивающих проблему передачи опыта человечества из поколения в поколение или пересекающуюся с ней проблему дискретности — непрерывности сознания (см. [26]).

Для решения этой фундаментальной проблемы привлекались такие понятия, как «врожденные идеи» (Р. Декарт), «архетипы коллективного бессознательного» (К. Юнг), «космическое бессознательное» (Судзуки), «космическое сознание» (Э. Фромм), «бессознательное как речь Другого» (Ж. Лакав), «коллективные представления» (Э. Дюргейм, Л. Леви-Брюль) и «бессознательные структуры» (К. Леви-Стросс, М. Фуко).

Но как проникнуть во все эти надындивидуальные бессознательные структуры? Каково их происхождение? В большинстве случаев ответ на эти вопросы очень близок к их сказочному решению в «Синей птице» Мориса Метерлинка. В этой волшебной сказке добрая фея дарит детям чудодейственный алмаз. Стоит лишь повернуть этот алмаз, и люди начинают видеть скрытые души вещей.

Как и в любой настоящей сказке, в этой сказке есть большая правда. Окружающие людей предметы человеческой культуры действительно имеют «душу». И «душа» эта — не что иное, как поле значений, существующих в форме опредмеченных в процессе деятельности в орудиях труда схем действия, в форме ролей, понятий, ритуалов, церемоний, различных социальных символов и норм. Только в том случае ребенок станет личностью, если он с помощью взрослого включится в поток деятельностей (а не поток сознания!) и через систему деятельностей усвоит опредмеченные в человеческом мире значения. Деятельность и есть тот алмаз, который, как правило совершенно этого не осознавая, поворачивает вместе с другими людьми ребенок, чтобы увидеть «души» предметов и приобрести свою собственную «душу».

Иными словами, в окружающем человека мире объективно существует особое измерение, создаваемое совокупной деятельностью человечества, — поле значений [18]. Это поле значений, отмечает А. Н. Леонтьев, «отдельный индивид находит как *«вне-его-существующее»* — им воспринимаемое, усваиваемое — поэтому также, как то, что входит в его образ мира» [22; 6].

Организуя свою деятельность в соответствии с полем значений, люди тем самым непрерывно подтверждают реальность его существования. Для понимания процесса

усвоения значений в советской психологии обычно привлекаются представления Л. С. Выготского об интериоризации [12], о переходе от интерпсихического к интрапсихическому. Эти представления нуждаются в дальнейшей разработке, в уточнении механизмов интериоризации и тех преобразований, которые претерпевают усваиваемые формы значений. Но главная заложенная в них идея, прозвучавшая уже в 1925 г., идея о том, что индивидуальное в своем генезе вырастает из социального, производится из него, остается путеводной при анализе развития личности и сознания [13].

Таким образом, идеи о потоке сознания, об архетипах коллективного бессознательного и т. п. имеют вполне земную основу. За всеми этими представлениями стоит реальный факт существования надиндивидуального надсознательного, имеющего четко прослеживаемый социальный генезис и представляющего собой поле значений, порожденного всей совокупной деятельностью человечества.

2. НЕОСОЗНАВАЕМЫЕ ПОБУДИТЕЛИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НЕОСОЗНАВАЕМЫЕ МОТИВЫ И СМЫСЛОВЫЕ УСТАНОВКИ ЛИЧНОСТИ)

Неосознаваемые побудители деятельности личности всегда были центральным предметом исследования в традиционном психоанализе. Они принимают участие в регуляции деятельности, выступая в виде смысловых установок. Не пересказывая здесь развиваемых нами представлений об иерархической уровневой природе установок как механизмов стабилизации, «цементирования» деятельности личности, напомним лишь, что в соответствии с основными структурными единицами деятельности выделяются уровни смысловых, целевых и операциональных установок, а также уровень психофизиологических механизмов установки [3].

По своей функции и месту в структуре деятельности неосознаваемые побудители, изучаемые в психоанализе, бесспорно относятся к мотивам деятельности личности. Поэтому в отличие от других феноменов бессознательного одной из основных характеристик этих явлений выступает их динамичность. Но динамичность — чисто функциональная (формальная) характеристика побудителей деятельности, а собственно психологический анализ этих явлений начинается тогда, когда раскрывается их содержательная характеристика, т. е. то, как они представлены

в сознании человека. Как пишет А. Н. Леонтьев: «их функция (функция мотивов. — А. А.), взятая со стороны сознания, состоит в том, что они как бы «оценивают» жизненное значение для субъекта объективных обстоятельств и его действий, придают им личностный смысл, который прямо не совпадает с понимаемым объективным их значением» [21; 150]. К числу этих объективных обстоятельств относятся идеализированные в значениях продукты общественно-исторической практики — способы действия, присущие данной культуре, объективные ценности, различные роли и т. д. К ним относится и сам действующий субъект, прежде всего тот его уровень, который И. С. Кон называет экзистенциальным «я».

По мнению И. С. Кона, экзистенциальное «я» представляет типичный пример глубинного, смыслового образования, исследовать которое можно, лишь выходя за его пределы. Самому субъекту «я» может казаться чем-то внутренним. В действительности же оно всегда возникает в оппозиции «я» — «не я», является ценностно-смысловым и содержит тенденцию к самореализации, стремление к надситуативной активности [19].

Экзистенциальное «я» обладает всеми характерными особенностями смысловых образований. Как и другие смысловые образования, оно находит свое воплощение в таких единицах динамики деятельности, как устойчивые диспозиции личности — смысловые установки, представляющие собой выражение личностного смысла в виде готовности к той

или иной деятельности. Точно так же как мысль совершается в слове (Л. С. Выготский), личностный смысл совершается в смысловой установке, определяющей устойчивость деятельности, а затем, через эту деятельность, опредмечивается в различных явлениях культуры [3], [4]. Мы уделили здесь особое внимание такому смысловому образованию, как экзистенциальное «я», поскольку именно оно все энергичнее обсуждается в различных направлениях современного психоанализа (см. об этом [8]).

Итак, личностные смыслы, «значения-для-меня» тех или иных событий мира, в том числе своего «я», и есть та основная характеристика, которая составляет как бы сердцевину описываемого класса неосознаваемых явлений, класса неосознаваемых мотивов и смысловых установок (см. [3], [8], [36]).

Явления этого класса не могут быть преобразованы под влиянием тех или иных односторонних вербальных воздействий. Это положение, основанное на целом ряде фактов, полученных в экспериментальных исследованиях [23], [29], [30], в свою очередь, вплотную подводит нас к особенности смысловых образований, определяющей методические пути их исследования. Эта особенность состоит в том, что изменение смысловых образований всегда опосредствовано изменением самой деятельности субъекта [3], [5]. Именно учет этой важнейшей особенности смысловых образований (системы личностных смыслов и выражающих их в деятельности смысловых установок) позволяет пролить свет на некоторые метаморфозы в развитии психоанализа, объяснение которых выступает как своего рода проверка предлагаемой нами классификации.

Во-первых, неэффективность психотерапии, ограничивающейся чисто вербальными односторонними воздействиями, т. е. той терапии, которую столь ядовито высмеял еще З. Фрейд в своей работе «О «диком» психоанализе» [34], как раз и объясняется тем, что по самой своей природе смысловые образования нечувствительны к вербальным воздействиям, несущим чисто информативную нагрузку. Повторяем, что смыслы изменяются только в ходе реорганизации деятельности, в том числе и деятельности общения, в которой происходит «речевая работа» (Ж. Лакан). Не случайно, поэтому Жак Лакан, выдвинувший лозунг

«Назад к Фрейду», перекликается в этом пункте с основоположником психоанализа, замечая: «Функция языка заключается не в информации, а в побуждении. Именно ответа другого я ищу в речи. Именно мой вопрос конституирует меня как субъекта» (Ж. Лакан, цит. по [2; 420])². Иными словами, только деятельность, в том числе и деятельность общения, выражающая те или иные смыслообразующие мотивы и служащая основой для эмоциональной идентификации с Другим [9], может изменить личностные смыслы пациента.

Во-вторых, в неэффективности влияния указанного типа вербальных воздействий на сферу смыслов — воздействий, которыми часто подменяется диалог между психоаналитиком и пациентом, следует искать, на наш взгляд, одну из причин явно наметившегося сдвига от индивидуальных методов к групповым методам психотерапии, например к таким методам, как психодрама, Т-группы и т. п., в которых так или иначе реконструируется деятельность, приводящая в конечном итоге к изменению личностных смыслов и выражающих их в деятельности смысловых установок.

Подытоживая представления о природе неосознаваемых побудителей деятельности, об их сущности, перечислим основные особенности смысловых образований личности:

- 1) производность от системы деятельностей субъекта, его социальной позиции;
- 2) интенциональность (ориентированность на предмет деятельности; смысл всегда кому-то или чему-то адресован, смысл всегда есть смысл чего-то);
- 3) независимость от осознания (личностный смысл может быть осознан субъектом, но самого по себе осознания недостаточно для изменения личностного смысла);

4) невозможность воплощения в значениях (Л. С. Выготский, М. М. Бахтин) и неформализуемость (Ф. В. Бассин);

5) феноменально смысловые образования проявляются в виде кажущихся случайными, немотивированными «отклонений» поведения от нормативного для данной ситуации (например, обмолвки, лишние движения и т. п.) (см. [5]).

3. НЕОСОЗНАВАЕМЫЕ РЕГУЛЯТОРЫ ДЕЙСТВИИ И ОПЕРАЦИИ

На этом классе явлений было сконцентрировано внимание многих психологов дофрейдовского периода. Так, представители психологии сознания немало страниц уделили красочным описаниям перехода состояний сознания из фокуса сознания на его периферию (В. Вундт, В. Джемс, П. Жане и др.).

З. Фрейд, особенно не углубляясь в анализ сущности этих явлений, охарактеризовал их как предсознательное [33].

Пожалуй, одна из первых попыток вывести общий закон, которому подчиняются неосознаваемые явления этого класса, принадлежит Клапареду. Он сформулировал закон осознания, суть которого заключается в следующем: чем больше мы пользуемся тем или иным действием, тем меньше мы его осознаем. Но стоит на пути привычного действия появиться препятствию, и возникает потребность в осознании, которая и является причиной того, что действие вновь попадает под контроль

со стороны сознания. Однако закон Клапареда описывает лишь феноменальную динамику этого класса явлений. Объяснить же возникновение осознания появлением потребности в осознании — это то же самое, что объяснить происхождение крыльев у птиц появлением потребности летать [12].

Кардинальный шаг в развитии представлений о сущности неосознаваемых регуляторов деятельности был сделан в советской психологии. Не излагая здесь всего массива, экспериментальных и теоретических исследований этого пласта бессознательного, укажем только те два направления, в которых велись эти исследования.

В *генетическом аспекте* изучение «предсознательного» было неразрывно связано с анализом *проблемы, развития произвольной регуляции высших форм поведения человека*³. «Произвольность в деятельности какой-либо функции является всегда оборотной стороной ее осознания», — писал один из идейных вдохновителей и родоначальников этого направления Л. С. Выготский [12]. Проблема произвольности — осознанности поведения была подвергнута глубокому анализу в известных работах по произвольной и непроизвольной регуляции деятельности [16; 28], [15; 24], [24].

В *функциональном плане* изучение неосознаваемых регуляторов деятельности непосредственно вписывается в *проблему автоматизации различных видов внешней и внутренней деятельности*. Так, А. Н. Леонтьевым проанализирован процесс превращения в ходе обучения действия, направляемого осознаваемой предвидимой целью, в операцию, условия осуществления которой только «презентируются» субъекту.

В *основе осознания*, таким образом, *лежит изменение места предметного содержания в структуре деятельности, являющееся следствием процесса автоматизации-деавтоматизации деятельности*.

Предложенное А. Н. Леонтьевым решение этой проблемы получило свое развитие в оригинальных исследованиях неосознаваемой регуляции мыслительной деятельности, среди которых выделяются циклы работ Я. А. Пономарева и О. К. Тихомирова. В исследованиях Я. А. Пономарева развивается концепция о взаимоотношении прямого (осознаваемого) и побочного (неосознаваемого) продукта действия, проливающая свет на механизмы решения творческих задач, на природу интуитивных решений [27]. Работы О.

К. Тихомирова и его сотрудников направлены, в частности, на анализ значения и функций вербализованных (неосознаваемых) компонентов в структуре мыслительного процесса [31].

На материале изучения навыка одним из прямых последователей Д. Н. Узнадзе — З. И. Ходжава [35] было показано, что в основе автоматизированных форм поведения лежит механизм неосознаваемых установок, т. е. как раз тех установок, которые стабилизируют и регулируют развертывание операций [3].

Что же касается описания психофизиологических механизмов, реализующих протекание действий и операций, то в этой области до сих пор непревзойденными остаются классические труды по изучению автоматизации движений выдающегося советского ученого Н. А. Бернштейна, и прежде всего идея Н. А. Бернштейна о том, что осознаваемая афферентация всегда занимает ведущий уровень в управлении движениями, а афферентация фоновых, черновых уровней управления движениями не представлена в сознании [11].

Все эти исследования существенно продвинули вперед представления о природе неосознаваемых форм отражения, регулирующих развертывание действий и операций.

52

* * *

В заключение отметим, что наша задача заключалась прежде всего в том, чтобы очертить круг вопросов, которые встают при изучении проблемы бессознательного в контексте общепсихологической теории деятельности (А. Н. Леонтьев), выявить объяснительный потенциал этой теории на материале анализа широкого пласта неосознаваемых явлений.

Исходные принципы теории деятельности, а именно принцип предметности и принцип зависимости психического отражения от места отражаемого объекта в структуре деятельности, выступившие для нас в качестве основания классификации неосознаваемых явлений, позволили, во-первых, вычленив в пестром потоке этих явлений три качественно различных класса (надындивидуальные надсознательные явления, неосознаваемые мотивы и смысловые установки личности, неосознаваемые механизмы регуляций действий и операций) и обозначить генезис и функцию явлений разных классов в деятельности субъекта; во-вторых, наметить те проблемы и направления, в русле которых изучались явления выделенных нами классов (проблема передачи и усвоения опыта; проблема детерминации деятельности; проблемы произвольной регуляции высших форм поведения и автоматизации различных видов внешней и внутренней деятельности).

Необходимость подобной классификации состоит в том, что нередко встречающееся сведение всех этих разнородных явлений к одному общему знаменателю приводит к утрате их специфики и существенно затрудняет продвижение на нелегком пути их изучения. Между тем лишь выявление специфики этих «утаенных» планов сознания (Л. С. Выготский) позволит найти адекватные методы их исследования, раскрыть их функцию в регуляции деятельности и тем самым не только дополнить, но и изменить существующую картину представлений о деятельности, сознании и личности.

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 93.
2. Автономова Н. С. О некоторых философско-методологических проблемах психологической концепции Жака Лакана: — В коллективной монографии: Бессознательное / Отв. ред. А. С. Прангишвили, А. Е. Шерозня. Ф. В. Ваесвн. Тбилиси, 1978, т. 1, с. 418—425.
3. Асмолов А. Г. Деятельность и установка. — М., 1979.— 151 с.
4. Асмолов А. Г., Петровский В. А. О динамическом подходе к психологическому анализу деятельности. — Вопросы психологии, 1978, № 1, с. 70—80.

5. *Асмолов А. Г., Братусь Б. С., Зейгарник Б. В., Петровский В. А., Субботский Е. В., Хараиш А. У., Цветкова Л. С.* О некоторых перспективах исследования смысловых образований личности. — Вопросы психологии, 1979, № 4, с. 35—46.
6. *Бассин Ф. В.* Проблема «бессознательного». — М., 1968. — 469 с.
7. *Бассин Ф. В.* К развитию проблемы значения и смысла. — Вопросы психологии, 1973, № 6, с. 13—24.
8. *Бассин Ф. В.* У пределов распознанного: к проблеме предречевой формы мышления. — В коллективной монографии: Бессознательное / Отв. ред. А. С. Прангишвили, А. Е. Шерозия, Ф. В. Бассин. Тбилиси, 1979, т. III, с. 735—750.
9. *Васина Е. З., Насиновская Е. Е.* Роль идентификации в формировании альтруистических установок личности. — Вестник Московского университета. Серия 14. Психология, 1977, № 4, с. 33—41.
10. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. — М., 1979. — 424 с.
11. *Бернштейн Н. А.* Очерки по физиологии движений и физиологии активности. — М., 1966. — 352 с.
12. *Выготский Л. С.* Избранные психологические произведения. — М., 1956. — 520 с.
13. *Выготский Л. С.* Сознание как проблема психологии поведения. — В сб.: Психология и марксизм. М, 1925, с. 175—198.
14. *Давыдов В. В.* Категория деятельности и психического отражения в теории А. Н. Леонтьева. — Вестник Московского университета. Серия 14. Психология, 1979, № 4, с. 25—41.

15. *Запорожец А. В.* Развитие произвольных движений. — М., 1960. — 200 с.
16. *Зинченко П. И.* Непроизвольное запоминание. — М., 1961. — 564 с.
17. *Зинченко В. П.* Деятельность и установка: нужна ли парадигма? — В коллективной монографии: Бессознательное / Отв. ред. А. С. Прангишвили, А. Е. Шерозия, Ф. В. Бассин. Тбилиси, 1978, т. I, с. 133—146.
18. *Зинченко В. П., Мамардашвили М. К.* Проблема объективного метода в психологии. — Вопросы философии, 1977, № 7, с. 109—125.
19. *Кон И. С.* Категория «я» в психологии (в печати).
20. *Кузьмин В. П.* Принцип системности в теории и методологии К. Маохса. — М., 1976. — 231 с.
21. *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. — М., 1975. — 304 с.
22. *Леонтьев А. Н.* Психология образа. — Вестник Московского университета. Серия 14. Психология, 1979, № 2, с. 3—13.
23. *Леонтьев А. Н., Запорожец А. В.* Восстановление движений. — М., 1945. — 232 с.
24. *Лурия А. Р.* О генезисе произвольных движений. — Вопросы психологии, 1957, № 6.
25. *Лосский П. О., Радлов Э. Л.* (ред.). Бессознательное. — Новые идеи в философии. 1914, № 5, 144 с.
26. *Налимов В. В.* Непрерывность против дискретности в языке и мышлении. — В коллективной монографии: Бессознательное/Отв. ред. А. С. Прангишвили, А. Е. Шерозия, Ф. В. Бассин. Тбилиси, 1979, т. III, с. 286—292.
27. *Пономарев Я. А.* Психология творчества. — М., 1976. — 304 с.
28. *Смирнов А. А.* Проблемы психологии памяти. — М., 1965. — 350 с.
29. *Спиваковская А. С.* Роль осознаваемых и неосознаваемых переживаний в формировании аутистических установок. — В коллективной монографии: Бессознательное / Отв. ред. А. С. Прангишвили, А. Е. Шерозия, Ф. В. Бассин. Тбилиси, 1978, т. II, с. 425—430.
30. *Субботский Е. В.* Изучение у ребенка смысловых образований. — Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1977, №1, с. 62—72.
31. *Тихомиров О. К.* Структура мыслительной деятельности человека. — М., 1969. — 304 с.
32. *Узнадзе Д. Н.* Психологические исследования. — М., 1966. — 452 с.
33. *Фрейд З.* Я и оно. — М., 1924.
34. *Фрейд З.* О «диком» психоанализе. — В кн.: З. Фрейд. Методика и техника психоанализа. М., 1923, с. 46—51.
35. *Ходжава З. И.* Проблема навыка в психологии. — Тбилиси, 1960. — 250 с.

36. Шерозия А. Е. Сознание, бессознательное психическое и система фундаментальных отношений личности: предпосылки общей теории. — В коллективной монографии: Бессознательное / Отв. ред. А. С. Прангишвили, А. Е. Шерозия, Ф. В. Бассин. Тбилиси, 1979, т. III, с. 351—389.
37. Ярошевский М. Г. Надсознательное в научном творчестве и генезис психоанализа Фрейда. — В коллективной монографии: Бессознательное / Отв. ред. А. С. Прангишвили, А. Е. Шерозия, Ф. В. Бассин. Тбилиси, 1979, т. III, с. 414—421.

¹ Представления о надсознательном и его роли в творческой деятельности ученого развиваются в обширном цикле работ М. Г. Ярошевского (см., например, [37]).

² Ср. «Само бытие человека (и внешнее и внутреннее) есть *глубочайшее* общение. Быть — значит общаться. Быть — значит быть для другого и через него для себя. У человека нет внутренней суверенной территории, он весь и всегда на границе, смотря внутрь себя, он смотрит *в глаза другому и глазами другого*», — пишет М. И. Бахтин [10; 212].

³ На связь произвольных в произвольных форм поведения с неосознаваемыми установками специально указывает В. П. Зинченко [17].